

ИНТЕЛЛЕКТ ВЛАСТИ

Надо различать состояние общества с точки зрения интеллекта (образование, наука, культура) и состояние его власти с точки зрения интеллекта — интеллект власти. Поскольку власть есть управляющий орган общества, интеллект последнего определяется интеллектом первой. А не наоборот.

Человек как социальный атом обладает телом и управляющим органом. Последний обладает способностью познавать явления реальности (скажем — интеллектом, умом) и способностью принимать решения с учетом результатов познания и заставлять свое тело выполнять их (скажем — решимостью, волей).

Разделение на управляющий орган и управляемое тело имеет силу и в отношении объединений множеств людей в единое целое. При этом часть членов объединения становится воплощением функций управляющего органа, а остальные — управляемого тела. Это разделение является обязательным (закономерным) для всякого жизнеспособного объединения от двух человек до многих миллионов.

С усложнением человеческих объединений происходит разделение интеллекта и воли так, что один становится особой функцией одних членов управляющего органа, другая — других.

Они совместно выполняют функции управляющего органа, но внутри него различаются. При этом доминирует функция воли (включая выработку и принятие решения — решающе волевая функция). Она становится функцией власти объединения.

Волю (власть) и ум олицетворяют различные люди. Вторые подчиняются первым. В силу законов подчинения подчиненные не могут быть умнее тех, кому они подчиняются. Вместе с тем, власть не может быть умнее своей собственной функции ума, воплощенной в других людях. Тут — изначальное противоречие, достигающее большой силы в современных человеческих объединениях.

В современных объединениях дифференциация власти и интеллекта идет далее. За властью как таковой (как за особой сферой социальной организации) остается выработка и принятие ре-

шений, принуждение людей к исполнению решений, контроля за исполнением, управление процессом исполнения и т.д. Интеллектуальный аспект превращается в совокупность людей, учреждений, организаций и т.п., которые органы власти используют при обдумывании каких-то профессиональных проблем и решений. В современных больших и сложных обществах, к числу которых относится и Россия, эти явления стали значительными по размерам и важными по роли компонентами социальной организации общества. Частично они узаконены в качестве подразделений самой системы власти. Это — всякого рода советники, помощники, референты, консультанты и т.п. представители власти. К их числу относятся также всякие комитеты, комиссии, группы, центры и т.п. при парламентах. Общее число людей, занятых в этом деле, огромно. Помимо этого аспекта самой системы власти, последняя использует огромное число людей и учреждений из различных сфер общества вне власти — из науки, культуры, образования и т.д. Многие из них специально ориентированы на обслуживание власти. Все это в совокупности образует интеллектуальный потенциал власти.

Имеют место следующие тенденции во взаимоотношениях власти и ее интеллектуального потенциала. Во-первых, второй все более приспосабливается к требованиям власти. Во-вторых, степень его участия в выработке решений власти относительно сокращается. Так что нет ничего удивительного в том, что большинство решений власти принимается при отсутствии научного понимания управляемого ею объединения. Как верно заметил Ю. В. Андропов, мы «десять лет жили в обществе, которое не понимали». А ученых было, как говорится, пруд пруди. И сейчас ученых, обслуживающих власть, не счесть. А понимания социальных явлений, удовлетворяющего критериям научного подхода, нет и не предвидится. Ни властители, ни их интеллектуальная прислуга не заинтересованы в повышении уровня понимания социальных явлений.

Отношение уровня интеллектуального потенциала власти к ее решениям есть интеллектуальная эффективность власти. Точных признанных методов измерения уровня и эффективности интеллекта власти пока нет. Оценку дают приблизительную. Причем, оценивают то, что реализуется в деятельности власти в целом, т. е. оценивают власть с точки зрения разумности ее поведения. Но степень разумности власти зависит не только от интел-

лектуального потенциала. Последний может иметь высокий уровень, но власть с ним может не считаться в каких-то важных случаях. На проведение власти влияют и другие факторы. Так что ставя вопрос об интеллектуальной эффективности власти, надо измерить то, как и в какой мере потенции его отражаются в действиях власти.

Интеллектуальная эффективность власти может иметь высокий уровень при малых размерах интеллектуального потенциала (как в сталинские годы) и низкий при его огромных размерах (как в постсоветские годы). Интеллектуальный потенциал может иметь сильное влияние на власть при низком уровне и слабое — при высоком. Существенное влияние на интеллектуальную эффективность власти имеет его организация. Интеллектуальный потенциал может быть огромным по размерам, но рассеянным, не организованным в единое целое (как, например, в постсоветские годы) и сравнительно небольшим, но централизованным и целенаправленным (как в сталинские годы). Большую роль в нем играет идеология как организующая сила. Все эти явления плохо изучены на научном уровне.

Во второй половине двадцатого века произошел эволюционный перелом в истории человечества. Одним из его проявлений стало то, что эволюционный процесс превратился в проектируемый и управляемый. В результате качественно изменилась роль интеллекта власти. Он стал стремительно разрастаться и приобретать все большее значение в деятельности западных властей. К концу холодной войны он заметным образом пересилил интеллект советской власти по размерам, уровню и влиянию на действия властей. Это стало одним из факторов победы Запада в холодной войне. Сейчас интегрирующийся Запад имеет мощнейший по масштабам и очень влиятельный интеллект власти. Но я бы не сказал, что он имеет высокий уровень с точки зрения понимания социальных явлений современности. Как говорится, сила есть — ума не надо. Интеллект как механизм во власти и для власти выработал определенные интеллектуально примитивные штампы, которые приносят успех лишь благодаря военной, политической, экономической и пропагандистской мощи стран западного мира, а также благодаря колоссальному прогрессу информационной технологии и сферы общества.

Информационное и интеллектуальное обеспечение власти — не одно и то же. Первое поставляет сведения о конкретных явле-

ниях, о фактах. Второе должно снабжать власть пониманием социальных явлений, причем таким пониманием, благодаря которому можно принимать разумные решения, предвидеть их последствия и предвидеть ход событий на обозримое будущее, строить долговременные планы. Разумеется, для этого нужна информация, но информация, отличная от информации о текущих событиях и о частностях. Такое понимание необходимо для выработки концепции власти, ее идеологии и стратегии. Оно разумеется, но далеко не всегда достигается и еще реже становится достоянием власти. И не является абсолютным. Например, концепция (идеология) сталинской власти была довольно близка к такому пониманию. В послесталинские годы уровень понимания новой реальности стал снижаться — идеология власти становилась все более неадекватной меняющейся реальности. В горбачевские годы этот уровень упал до нуля, что стало одной из причин краха Советского Союза и советской социальной организации. В ельцинские годы этот уровень мог быть охарактеризован даже не нулем, а лишь величиной отрицательной (и такое возможно). Сейчас он стал несколько подниматься — приближаться к нулю.

В России сейчас всякого рода институтов, центров, комитетов и даже академий, обслуживающих власть или стремящихся быть полезными для нее, более чем достаточно. Как они используются высшей властью? Думаю, что в ничтожной мере. И к тому же лишь как средства руководящей рутинной, а не в интересах понимания, о котором я говорил ранее. По моим сведениям, все упомянутые учреждения и организации такое понимание вообще дать не могут, а высшая власть не только к нему не стремится, но даже активно противится. Так что тут имеет место почти полное соответствие.

Понимать социальные явления — одно, а править — другое. Российские правители воображают, будто они все понимают лучше управляемых, ибо они правят и функционируют в политической сфере. На самом же деле они мыслят на уровне обывательского мышления и идеологических учений. Научно социальные явления они не понимают, ибо научного понимания даже в профессиональной науке не сыщешь. Науку правители принимают лишь постольку, поскольку она им служит, причем в идеологически препарированном виде. Давать правителям научно-обоснованные советы бессмысленно — не поймут, отвергнут, исказят, присвоят в искаженном виде. Официальные советники сами из

той же породы. Они служат правителям, а не истине. К тому же они попадают в советники, пройдя путь, исключая научный подход к социальным явлениям. Научное понимание социальных явлений имеет практическое значение очень редко (переломные эпохи, стратегия), да и то не прямо, а через идеологию и обывательское (практическое) понимание.

Ученые как правители — идея вздорная. Кем бы ни был человек, но если он работник в системе власти, он действует по законам власти, а не науки.

Власть может использовать науку в той мере, в какой это ей полезно и выгодно. Но она не может поступать по законам, которые открывает наука, — тут разные измерения бытия. Задача науки — делать открытия и изобретения. Задача правителей — управлять людьми. Например, открытия в физике делали ученые. А делать или не делать атомную бомбу и бросать ее или нет — дело политиков и военных. А российские правители волею исторических обстоятельств поставлены в такие условия, что они вынуждены все более погружаться в идеологическую фальсификацию реальности, одновременно имитируя ее научное понимание. Впрочем, не они первые и не они последние.